

ТАМАРА вышла на сцену, увидела во втором ряду потеплевшие глаза старого мастера и невольно вспомнилась...

...Бьется в тесной пещурке огонь,

На поленьях смола, как слеза.

И поет мне в землянке гармонь

Про улыбку твою и глаза, — звенит высокий девичий голос. И таким необычным кажется он в этой московской трудной ночи 1942 года, такими слабыми и хрупкими кажутся женские фигуры в ватниках среди громадных заводских станков, что у старого мастера от боли сжимается сердце. Еще совсем недавно эти станки легко и послушно поддавались крепким мужским рукам, кажется, только вчера Иван Степанович с тревогой, тайком от жены — еще подумает, что помолдится — поглядывал в зеркало на свою уже совсем седую голову, разглядывал усталые натруженные руки и каждый день ждал разговора с директором. Боялся старик, что придется уступить место в цехе, без которого Иван Степанович и не мыслил своей жизни. Но грянула Отечественная война, забрала у завода сильные молодые руки, и Иван Степанович Копров остался почти хозяйном в цехе — хозяйном по опыту и знаниям. А радости не было...

Маленькой тоненькой Тамаре Папиной трудно было дать пятнадцать лет, ее даже из-за токарного станка не видно было. А ведь семью кормит. Мать Тамары, старая ткачиха с Трехгорки, часто спрашивала Ивана Степановича с гордостью и затаенной печалью:

— Ну, как там моя стрекоза, воюет?

А вот ведь, поди ж ты, поет, да еще как! Разглаживаются морщины, светлеют глаза. Женщины вспоминают сыновей, мужей, братьев. И вот уже грустная песня о разлуке с любимым сменяется суровой песней о народной священной войне, высокий голос Тамары слышится в общий сильный хор. А песня растет, ширится, вот она уже поднялась под высокие своды цеха, заполнила его. Но в это время загудел гудок — окончился перерыв. Снова к станкам, а песня будто сняла ночную усталость, разогнула плечи, вдохнула силы.

— Погоди, Тамара, сказать я тебе что хочу, — лукаво улыбаясь в усы, остановил девочку мастер. — Ты бы к Наталье Матвеевне, к Кукиной пошла. Она у нас девушек петь учит. Для всего завода будешь петь.

И совсем скоро «девочку с чугунок», как любовно прозвали юную певицу, знали уже все

5 Строгий судья

на заводе. Знали и любили за веселый нрав, за то, что никогда не унывала и не жаловалась, за песни любили. А поселнице нелегко было. Надо вечером в школу идти — в 6-й класс, а потом в музыкальное училище, куда подговорила Тамару Наталья Матвеевна. После смены, наскоро поев, бежала Тамара в училище, но никогда не пожалела, что послушалась совета старого мастера.

...Свои выпускные экзамены помнит каждый. Но особенно яркие и праздничны они у выпускников театральных вузов.

В последний раз перед концертом оглядывала Тамару ее преподавательница народная артистка СССР Елена Андреевна Степанова. Скрывая волнение, старая актриса поправляла Тамаре прическу, приглаживала платье. Ей очень хотелось, чтобы ее любимая ученица стала настоящей артисткой, чтобы ее голос и игра помогали людям жить. Она видела в рождении новой актрисы свою молодость.

Сняющая, с горящими глазами, в длинном концертном платье, делавшем ее еще стройнее, вышла Тамара к членам государственной комиссии. Легко и свободно полились рулады блестящей музыки России. Ария Розины из оперы «Севильский цирюльник» очень нравилась молодой артистке. Очень хотелось спеть ее по-настоящему, передать всю прелесть и обаяние прекрасной музыки, искрящейся тысячами переливов, красок, оттенков.

Когда стихли аплодисменты и Тамара увидела слезы на глазах старой актрисы, поняла — спела хорошо, оценка будет отличная. И только тогда осмелилась посмотреть в ту сторону, где сидел Иван Степанович Копров — не забыла позвать его Тамара в этот торжественный день. Иван Степанович аплодировал громче всех. После концерта он подошел к Тамаре:

— Знаешь что, дочка, хорошо ты пела. А вот чего-то в твоём пении не хватало. И сам не знаю, чего, а чувствую — душа твоя не слилась с этой музыкой. Вот когда пела ты ночью, в цехе — сердце пере-

вращивалось. Оттого, что в песне той была боль народная и радость его. — И от-
вернулся. Горько было омрачать такие счастливые минуты своей самой любимой ученицы.

А Тамара поняла больше, чем сказал старый рабочий. Те простые песни удавались ей потому, что близки они были простой девушке из народа, а мастерства особого тогда и не требовали от нее. Теперь она настоящая певица, и ее друзья хотели, чтобы была она самой лучшей. Крепко запали в душу Тамары слова старого рабочего.

...Позади три года работы в Сталинградском театре музыкальной комедии. Женственная и храбрая Шурочка Азарова, непосредственная Лаура из оперетты «Нищий студент», трогательная и нежная парижская цветочница Виолетта из «Фиалки Монмартра», простая советская девушка Светлана в музыкальной комедии «Ляльки и Люльки» — таков далеко не полный перечень ролей, сыгранных молодой актрисой. Тамара Папина всегда вспоминает завет Ивана Степановича, и когда что-нибудь не получается у нее в роли, она всегда слышит слова:

— Душу человеческую пойми, дочка. В этом — главное.

...Гастроли в Москве. Все волнуется, а Тамара особенно — сегодня встреча с заводскими друзьями. Близка сердцу актрисы последняя работа — роль огневой, задиристой рабочей девочки Зорьки. После премьеры еще в Сталинграде были хвалебные рецензии, восторженные отзывы ценителей, но ничего так не радовало Тамару, как благодарные аплодисменты молодежи. Она вспоминала свою юность, Москву, родной завод и ей казалось, что вместе с девушками смотрит на нее Иван Степанович Копров и помогает ей, подает руку дружбы. И они понимали и чувствовали не только близкую и такую понятную им Зорьку, но и простую парижанку Виолетту, отважную русскую патриотку Шурочку Азарову, потому что во всех этих образах Тамара старалась заглянуть в душу своих героев.

Тамара не боялась за свой коллектив: сталинградские артисты привезли с собой немеркнущую молодость нашего славного города, во что бы то ни стало они должны победить. И все-таки... Ведь во втором ряду сидел строгий судья — старый рабочий Иван Степанович Копров. И артистке казалось, что его глазами на нее смотрит сам народ.

Н. ГОЛЬДИНА.